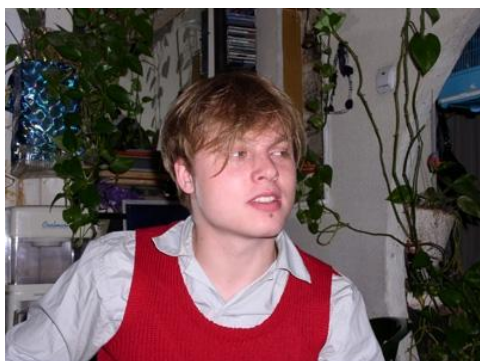

Евгений Лавренчук:

«От врагов надо уходить вверх...»

В начале апреля в Москве открылся Польский театр. Жизнь его началась весьма бурно. Началась со спектакля «Снег» по одноименной пьесе «о столкновении и переплетении любви и смерти, духа и плоти, сексуальной энергии и вечной тоски по утраченному раю» польского драматурга начала прошлого века С. Пшибышевского. Первое ощущение от увиденного — блистательный экспромт, срететированная импровизация. Потом пришло понимание — не экспромт, не импровизация, а какой-то новый, неведомый до сих пор театр. Захватывал текст. Волновали непоставленные, неактерские голоса. Я смотрела не только на сцену, но и на зрителей — и видела: они также поражены этим внезапным прорывом, захвачены необычным действием, поглощены рождением нового искусства. После шумной и красивой премьеры мне очень захотелось заглянуть в глаза человеку, который столь необычным образом воплотил на сцене странное творчество Станислава Пшибышевского. К счастью, моя профессия дала такую возможность, и вот, я встретилась с создателем «Снега», молодым и, бесспорно, очень талантливым художником Польского Театра Евгением Лавренчуком.

- Евгений, не могу не спросить, откуда такой необычный выбор материала для первого спектакля Вашего театра?

- Мне кажется, пьеса «Снег», хоть и была написана столетие назад, является настолько современной, что просто напрашивалась целесообразность заявить о нашем театре именно ею. Ведь времена могут сколько угодно меняться, люди же — никогда!

- Довольны ли вы результатом?

- Режиссер никогда не будет, в конечном счете, полностью удовлетворен своим делом... Я же вижу все еле уловимые нюансы, и каждая мелочь со знаком «минус» просто бьет меня током. Это, наверное, профессиональная режиссерская болезнь... Но я не погрешу против истины, если скажу, что мне отнюдь не было стыдно за то, как открылся наш театр. А мнения зрителей таковы, что равнодушных абсолютно не было. У меня целую неделю после этого телефон просто раскалывался от звонков. Я знаю, были люди, которые, посмотрев один раз, покупали билеты и на следующий день, брали с собой близких людей, друзей — значит, наша работа была проделана не зря.

- И что же, по-вашему, стало главной причиной успеха: ставка на польский язык и необычного автора, блестящая игра актеров или великолепно продуманная режиссура?

- Если бы не вы, а я был журналистом, я бы так написал про нашу постановку: в ней прекрасно выверены, сбалансированы необходимые сегодня для успеха ингредиенты: юмор, цинизм, детектив, фрейдизм, экзотика...

- О Вашем театре уже создано много мифов...

- Они могут все, что угодно придумать, это не имеет никакого значения. Если ты просыпаешься, и у тебя нет врагов, значит, все достигнутое — бессмысленно. Все просто.

- Но от врагов надо скрываться, не вступая в битву? От них надо уходить вверх...

- Только вверх. Я думаю, что вообще нужно как-то это не замечать. Надо быть, как

король, выше этого. Короли не замечают и не отвечают. Есть три способа существовать в этой жизни. Первый способ, когда ты плывешь и гибнешь в борьбе. Второй - когда ты знаешь, что жизнь - это море, волны, ты понимаешь гармонию движения волн и можешь попасть в эту гармонию, - ты играешь в этой жизни и поэтому плывешь. Третий путь, когда ты идешь по воде, как Иисус Христос. Когда в тебе есть два крыла, которые тебя поддерживают: беспристрастность и независимость. Тогда ты идешь выше всей этой мути, которая остается у тебя под ногами. Все. Казалось бы просто. Но это не просто, потому что нужно иметь эти крылья.

- Муть - это быт, деньги, проблемы?

- Это есть то, что предлагает наш век: зависть, ненависть, глупость - все, что угодно. Это все то, что называется, может быть, даже и жизнь.

- Жизнь в социуме?

- В социуме. В лживой морали. Эта муть внутри может шевелиться, сколько хочет. Тебе все равно, когда ты идешь по ней, когда ты над ней. Через искусство возможно получить такую высшую способность: постоянно находиться над пошлым миром. И любое самое фантастическое становится реальным, если в него сильно верить...

- Расскажите теперь, пожалуйста, о себе.

- Родился и вырос в городе-герое Львов. С пятого класса я знал, что буду как-то связан с искусством, к восьмому точно определился в своей связи с театром, к десятому – стал уверен, в том, что буду театральным режиссером. И поступил в ГИТИС на курс Романа Григорьевича Виктюка. Ну, дальше неинтересно... Участвовал в международных проектах, был лауреатом, награждался... Сейчас вот закончил учебу... Еду во Львов ставить оперу, не скажу какую... И, естественно, продолжаю делать новые проекты в рамках Польского Театра.

- Всех очень волнует твоя личная жизнь...

- Вас - тоже?

- Лично меня - нет...

- В общем, всем передайте, что у меня все хорошо...

Такой он, молодой идеолог нового театра. У него безошибочное, врожденное чувство театра, оно как абсолютный слух. Такой человек не может сфальшивить; пуститься на рискованный эксперимент и провалиться – наверное, но сфальшивить - никогда. К тому же в отличие почти от всех своих ровесников мир дольний заботит его ничуть не меньше, чем горний. А может, и больше. А главное, он не старается казаться глубокомысленным. Просто не забывает быть театральным. И, что особенно приятно: человек он - не только талантливый, но и во всех отношениях состоявшийся. У него есть свой театр. Свои артисты. Он востребован международными фестивалями и не забыт ни в России, ни на Украине, ни в Польше. Иными словами, он не восходящая звезда, а уже взошедшая.

Ульяна Шесткова

журнал «Театр», 2003 г.